

Сухопутная улитка

Повесть

Глава первая. Бред и не бред

Глава вторая. Улька

Глава третья. На гандболе

Глава четвёртая. Стукачка

Глава пятая. Весенняя паника

Глава шестая. Аномальная жара

Глава седьмая. Дымные хроники

Глава восьмая. Заезд

Глава девятая. Никаких дискотек

Глава десятая. Толкнуть в плечо – просто

Глава одиннадцатая. Родительский день

Глава двенадцатая. Ад всё ближе

Глава тринадцатая. Лифт застрял

Глава четырнадцатая. Турнир

Глава пятнадцатая. Дыма больше нет

Глава шестнадцатая. Королевская ночь

Глава семнадцатая. Угрозы Сони

Глава восемнадцатая. Разбирательство

Глава девятнадцатая. Киса. Потом Юлька

Эпилог

Сухопутная улитка

Повесть

Глава первая. «Бредовое» мероприятие

Она не помнила, когда появилась Юлька. Юлька – это уля, улька, сухопутная улитка-ахатина. Большая и толстая, милая, мирная и тихая. Кажется, бабушке отдали аквариум с Юлькой. Или бабушка купила Юльку. Аквариум точно не покупала. Аквариум отдала соседка. Она тоже, как и мама, рассталась с мужем, и решила «обновить обстановку».

Неприятности начались в то далёкое-предалёкое воскресенье. У бабушки ещё разгибалось колено, и ходила бабуля без палочки. А она, Марина Любушкина, в то время одиннадцати лет отроду, была столь наивной, что думала: так будет всегда. В то воскресенье папа угостил её в фастфудной. Она загремела в больницу. И папу отлучили от неё навсегда. Вместо папы у неё теперь Юлька. Но с Юлькой они не сразу сдружились. Сначала Марина по папе тосковала сильно, но если знать, что человек не придёт, это лучше, чем ждать, когда он объявится, ждать и мучиться: придёт или не придёт – а именно так она жила раньше. Мама с бабушкой уверяли, что папа на работе, что он – трудоголик. Но судя по тому, как быстро папа женился по новой, никакой он не трудоголик, а бабник. Ну и пусть. Она придумала себе какого захотела папу, верного, любимого, благородного и богатого. Трепалась в классе, что по воскресениям ходит с папой везде: в кино, на каток, в магазины. «Карманный» папа был идеален, неотразим, выполнял все мечты. С мечтами, впрочем, приходилось быть начеку, как можно меньше выдумывать материальных благ. Если хвалиться, например, бутиком, надо же предъявить доказательство; вещь, рано или поздно придётся надеть. Все девчонки старались вырядиться в театр. Марина в театр с классом не ходила, она ненавидела театр, такая тягомотина. Музеи тоже то ещё занудство, но в музей никто не наряжался, в музей ходили сразу после школы. Все обедали в столовой, она же покупала в буфете водичку и шоколадный батончик – шоколадки ей было можно, жареное нельзя.

На каникулах их лингвистический класс должен был посетить книжкину неделю во дворце пионеров. Не пойти было нельзя, да ей и самой хотелось сходить во дворец. Пионеров сто лет как нет, а дворец жив. «Абсурдистский конструктивизм! – восхищалась классная Алевтина Ивановна. – Это вам не какой-нибудь хайтек и постмодерн!» Классная любила вставлять жанровую принадлежность везде, где надо и не надо. Например, Марина любила смотреть фильмы. Ей и дела не было до того, что фильмы ужасов – низкий жанр. Триллер и ужасы – плохо? То есть «Психо» – низкий жанр?! Да это

революция в кинематографе – везде так пишут: фильм ужасов-нуар, шедевр, входит в десятку, сотню лучших. Марина это всё высказала на факультативе. Но классная сказала, что современные фильмы ужасов всё равно – дрянь, а классика есть классика, к классике она, Алевтина Ивановна, претензий не имеет. Ну ладно: Хичкока Марина в глазах одноклассников реабилитировала. А классная – точь-в-точь как та иссохшая мумия из фильма, а ещё факультативы ведёт по театру и кино – бред.

Если разобраться, то детская книга – тоже бред. Она, Марина Любушкина, – не ребёнок, сколько себя помнит, детское не читала. (Если только по программе заставляли). Марина обожала детективы, их дома – полки, полки. Бумага жёлтая, буквы мелкие – это хорошо, можно долго книгу читать и не кончается, не то, что современные: кирпич, а прочитываешь за два дня. Детективы скупал папа, оставил ей «наследство». Глянцевые обложки, с дикими уродцами, но переводы приличные. «Советская школа перевода, – говорил ей папа. – Не то, что сейчас гугл-переводчик». Детективы – Маринино всё. Марина всё-всё во взрослой литературе понимает. Но классная так не считает, ведёт во дворец на экскурсию их шестой лингвистический «А», заодно посмотреть на книжки для детей. Ну и норм. Там во Дворце много всего, и – главное! – спортивный корпус. Марина давно хотела там побывать. Во Дворце же гандбольная секция, Марина гандболом заинтересовалась после песни «Сплин». «Мама мы все больны гандболом». Марина как раз в больнице после отравления лежала, а эту песню по радио крутили по три раза в день.

– Ну что, Любушкина, и гиде твоё платишко? – презрительно лыбился в гардеробе первый красавец класса Киса (первый придурок в рейтинге Марины). Киса был смугл, черняв, маленькие чёрные, как у крыски, глазки, мясистый нос-шнобель – овал лица как у всех героев сериалов сразу.

Зачем только она сто пятнадцать раз хвалилась историей про бутик и про то, как папа дал ей двадцать тысяч на платье?! Сегодня она специально, напоказ, оделась в «рваньё»: рваные (это слякотной весной-то!) джинсы, клетчатую рубашку. Из дома-то она уходила в нормальных «цивильных», по выражению мамы, джинсах. Но все портки снимались в лифте или на лестнице. Марина стала метеором по части переодевания джинсов, брюк и непромокаемых штанов – всего того, что её заставляли надевать дома. «Марток – надевай семеро порток», – из года в год повторяла бабушка. Бабушке дай волю, она и десять заставит натянуть.

Кису на самом деле звали Валера Киселёв. Кличку Кисель он ненавидел. Марина сделала каменное лицо:

– Заткнись, Кисель. Я не в ресторан пришла, а на неделю, блин, книги. детской книги!

Киса в ответ уставился глаза в глаза, не мигая.

– Под Хаоса закос?

Марина обожала Хью Лори. Она и театр поэтому ненавидела. Театр может быть только в Англии. Лучше Хью нет никого.

Марина моргнула, смахнула предательскую, от напряжения, слезу. Киса победил.

Киса кошачьими повадками был противоположностью Хью Лори. Тот англичанин, настоящий актёр, трагик и комик, в «Дживсе и Вустере» ещё и миллионер, аристократ, а Киса – сын кассирши супермаркета. И ничуть этого не стесняется. При этом он не беден, не то, что Марина. Точно ни на зарплату мамочки живёт.

– Да, Марин, где же платье-то, которое вы с папой покупали? – спросили и одноклассницы. Марина ненавидела лицемерных девчонок из класса, приходилось врать и лицемерить им в ответ

– Коко Шанель говорила: одежда должна быть к месту! – Марина умела отбиваться от девчонок, всё-таки скоро два года в этом классе. Главное – ответить, не молчать, ну и фэйс высокомерно-пренебрежительный соорудить.

Киса хмыкнул, девчонки стали перешёптываться, но отстали. По совету папы Марина научилась сыпать фразами от «великих». На самом деле, всё выдумывала, но даже учителя велись; ни разу Марина не прокололась с якобы «цитатами» на сочинении.

Толстая жаба, вся в зелёном, то есть женщина в костюме цвета весенних садов, водила их класс по дворцу и, как маленьким, рассказывала о кружках и студиях, заводила в кабинеты и залы. Групп, пришедших на экскурсии, было много и толстых жаб, соответственно, тоже. Некоторые экскурсоводы даже были не толстыми, а одна попалась вообще не жаба, симпатная, даже очень, но она мелких водила. Почему-то мелким попадают красивые молодые

экскурсоводы, но чем старше класс, тем уродливее экскурсовод – Марина это постоянно замечала. Один раз, в каком-то частном музее, был экскурсовод-мужчина. Вот он был крут. Но завёрнут на своих юртах, Севере и чукчах. Нет! Марина завёрнутых мужиков не любила. Мама говорила:

– Хуже замороженного мужика нет ничего.

«Худоожественное слово», «Древние цивилизации», «Поэтический» – квакала про кружки жаба-экскурсовод, тыча указкой на двери с табличками. Как будто они сами читать не умеют. «Поэтический» – на этом слове Марина переключила воспоминания. Стихи Марина не любила. Стихи показывали слабость. Над ней так в старой школе смеялись, когда она свои стихи на уроке прочитала. Больше Марина не сочиняла. Ну так, иногда одну-две строфы, не больше. Слово должно быть чётким, слово – оружие, оно должно убивать, так учил её папа. Марине это удавалось. Да и поэтам это удавалось. Ну, Лермонтову, Маяковскому. А современная поэзия – фуфло сплошное, ерунда. Только у одной поэтессы Марине нравились стихи о том, как одиночество павлиньими перьями высовывается из подушки. Это Алевтина Ивановна, большая любительница поэзии, читала как-то на факультативе по кино и театру. Сказала: хоть и «шестнадцать плюс», всё равно прочту, вам по двенадцать лет, в двенадцать можно.

Шестой «А» завис в игротке. Некоторые, как малыши, стали собирать гигантский конструктор; кто-то стал играть в странные игры с проваливающимися в бездну спиралей и лабиринтов шариками; самые умные стали двигать на клетчатых столах гигантские шашки и шахматы. Марина ходила по игротке нетерпеливо, мучилась: когда же, когда, нас отсюда уведут?! От нечего делать пнула носком угги огромные мягкие кубы... Угги знатные, суперские, мама в аутлете немецком купила. Жаль Марина похвалилась, что мама в Германию ездила. Надо было сказать, что это папа угги купил. Киса совсем долбанутый, причапал в кедах. Это по соляному снегу-то! Весь промок, идиот.

Инструктор игротки – маленький сухонький мужичок в алой атласной косоворотке, подпоясанный кушаком, был похож на волшебника. Он усадил Марину за игровой стол. Стал объяснять какую-то игру. Кружки деревянные, их надо выиграть как можно больше, выигранные вставлять в специальные отверстия. Она ничего не понимала, но мужичонка всё подсказывал, объяснял, он толкал кружочки-колёсики и за себя и за неё – кружки катились по

фанерному полю, проваливались. Марине казалось, что она сходит с ума. Марина бросила очередной кружочек на игровое поле – кружочек закатился в щель.

– Выиграла, – обрадовался мужичонка, подарил Марине игрушку – пластиковый крест, одна сторона – синяя, другая – белая.

– Любушкиной бумеранг подарили! – крикнул Киса.

– Красавицу ещё и Любушкина звать? – хозяин игротеки подмигнул Марине, он церемонно, целуя руку, попрощался с ней и убежал встречать следующую группу.

Марина и не знала, как выглядит бумеранг. Она встречала в детективах: зло (разного калибра и в разнообразном облики) вернулось бумерангом. Почему-то о добре никогда так не писали. Добро вернулось бумерангом – похоже на оксюморон. Она на этом оксюморе чуть не срезалась, когда в эту «лучшую» школу поступала.

Она не поверила хозяину игротеки, когда он назвал её красавицей. Бабушка твердила, что для старых все молодые – красавицы, чтобы Марина никому из мужчин не верила. Но всё-таки было приятно, что этот «игроман» (он же реально целый день при играх) отметил её, скромно одетую, ненакрашенную. Марина даже волосы не распускала как другие девочки, распущенные волосы мешают, лезут в рот, ими цепляешься за всё.

Их повели по коридору в спортивный корпус. Наконец-то! Бумеранг она так и держала в руке: защита на случай, если Киса полезет обниматься, он это любил, такой у него был прикол. Они вышли балкон. Вдоль стен – обшарпанные стулья. Около перил тоже стоят стулья, на них восседают тётки, мужики стоят у перил, кричат. Под балконом – огромный спортивный зал, разделенный сеткой на два. В одной половине – гимнастки скачут с лентами, в другой – красивые быстрые пацаны бегают от ворот к воротам, закидывают мячики. На стене – огромный, высотой метров в пять, фотоплакат: красавец в полёте, он на корпус выше, размахнулся – кинул мяч. Только-только кинул. Мяч, небольшой, похожий на футбольный, но меньше, начинает свой полёт.

– Ну пас же! Пас! – гаркнул крупный мужик и грязно выругался, обернулся на жабу-экскурсовода, стал оправдываться: – Пять лет вместе

играют, а всё сам и сам, пас же надо дать. Обижается, что не полусредний, что край тащит¹.

– Сейчас здесь проходит турнир города по гандболу, – скривилась тётя-жаба. – Не будем мешать.

Марина осталась на трибунах с болельщиками. Ей хотелось посмотреть на незнакомую игру, про которую поют «сплины». Да и гимнастки радовали: худенькие, как она, длинноногие, нет у них «форм», как и у неё.

С первого взгляда игра увиделась такой: все бегают от ворот к воротам, мяч перебрасывают, передают. То и дело случаются потасовки: кто не даёт сделать пас и хочет мяч отнять, другой же игрок, наоборот, пытается обмануть, пробиться к воротам, не смотря ни на что найти лазейку и забить гол...

– Любушкина! – знакомый наипрепротивнейший баритон, который все учителя находили вполне приятным, а историчка, женщина неопределённого возраста, так та просто таяла. – Пошли: тебя не касается?

Она не обернулась, процедила:

– Иди отсюда, Кисель. Заблудишься.

– Да ну. Они пошли к книжным прилавкам, там какой-то чудак автограф-сессию устроил.

– Не чудак, а писатель.

– Я и говорю – чудак. Кто сейчас не писатель – все писатели. Ты вот прикольные заметки в статусах пишешь, жаль, что редко, я... – Киса не успел договорить, его перебил здоровый мужик:

– Слушайте вы, чудачки на букву «ме», идите отсюда, смотреть мешаете. За третье-четвёртое место парни бьются. Пшли, кому сказал!

Киса уже открыл рот, чтобы ответить что-нибудь пошловато-остроумное, покривляться с клоунскими ужимками, но Марина не стала дожидаться развития конфликта. Всё равно нормально теперь не посмотришь.

¹ Наибольшее количество бросков совершают полусредние игроки, они бегают справа и слева от средней линии поля. Крайние игроки бегают по краям поля, они чаще обмениваются пасами, пасы делают полусредним.

Грубость мужика будет витать на балконе. Она пошла к выходу, Киса побежал за ней.

– И куда нам?

– Дебил, не пойму?

Она сама не была уверена, куда идти. Первым делом покинуть спортивный корпус, потом спросить можно. Спрашивать она умела: соорудить невинное лицо, скромно улыбнуться, заморгать глазами-блюдцами, плюс пара вежливых оборотов «вас не затруднит», «будьте так любезны» – всегда объясняли. Она так сейчас была взбешена: Киса окончательно испортил ей настроение, а теперь ещё раздражённо цыкает в спину. Выйдя из коридора, ни секунды не задумываясь, чисто по наитию, она выбрала верное направление и скоро нашла столы с книгами, прошвырнулась, ища своих – нашла. Одноклассники слушали какого-то мужика в дорогом свитере, улыбались, отвечали. Она тоже стала слушать, но ничего не понимала. Слышала отдельные слова, но смысл фраз не доходил до неё. Киса в унисон мужику стал кому-то трещать, что «Любушкина-то наша – гандболистка».

Глава вторая. Улька

Юлька ползала по руке...

Два года Марина издевалась над Юлькой, мучила её – бессловесная тормознутая тварь пожаловаться не могла, сдачи дать не могла, противным голосом передразнить, как Киса, не могла, гримасничать не умела тоже. Единственное, что она делала – пугалась своей хозяйки, «бежала со всех ног», которых у неё не было... Марина специально сыпала на дно аквариума камешки – улиткам нельзя камешки, им нужна мягкая земля и листики салата. О камешки улитки царапают панцирь, могут и разбить его вдребезги. Но это надо очень уж постараться: острое что-то раскидать на дно аквариума и шмякнуть ульку со всей силы. Не-ет. Марина на такая. Иногда её подмывало шмякнуть, особенно, когда в школе противные одноклассницы не верили её рассказам о папе. Однажды, придя домой сильно не в духе, Марина даже размахнулась, чтобы убить этот вонючий комок слизи, спрятавшийся в домик-панцирь. Но передумала. Именно в эту секунду порыв злости улетучился – Юлька забрала хозяйкину злость и обиду на себя. Взяв в кулак несчастную ульку, Марина почувствовала это сердцем, умом, душой, внутренностями, селезёнкой, которой у неё не было...

Селезёнку удалили в двухлетнем возрасте. Папа купил дачу. В первое же лето Марина упала с крыши подземного гаража. Она до сих пор помнила удар, сотрясение, что-то внутри хлопнуло, лопнуло как воздушный шар. Тогда крыша гаража казалась ей высоким обрывом, а всего два метра высота-то. Неудачно упала Марина, да. Но без селезёнки жить можно – Чехов тринадцать лет подписывал фельетоны «Человек без селезёнки», значит она, Марина, как Чехов. Правда, у него селезёнка была. Марина по совету врачей пила разжижающие кровь препараты и берегла печень – печень взяла на себя функцию селезёнки. Если питаться правильно, Марина ничего не чувствовала, никакого дискомфорта. Марина и на физру ходила.

Юлька – в сжатом кулаке. Злость ушла. Марина вдруг поняла, что Юлька – единственный друг, и перестала её мучить. Не баловала, нет. Улитка и не поняла бы, если бы Марина стала её баловать. Но Юлька, эта безмолвная тварь, почувствовала, что хозяйка теперь дружески настроена, стала ползать по руке, оставляя влажный тёплый след. Юлька впервые тогда ползала по руке Марины, не пряталась в свой пластинчатый домик (раковина нарастает пластинками). Теперь после школы Марина бегом бежала домой, мыла руки, шла к себе в комнату, переодевалась, пила воду и, пока бабушка готовила или разогревала еду, Марина разговаривала с Юлькой. Марина опускала жалюзи, зашторивала окна – улитки не любят свет, им бы всё укрыться, найти укромный угол. Марина доставала Юльку из аквариума, клала себе на руку, садилась, расставляя руки на письменном столе, как первоклашка, выпускала на своё худенькое предплечье Юльку. Улитка сначала не реагировала, потом из-под панциря показывалась рожка, следом вторая, скоро Юлька вытягивала всё своё жирненькое слизистое тельце, худела на глазах, и начиналось путешествие по плечу, предплечью, ладоням. Юлька ползала, а Марина рассказывала:

– Ты не представляешь, Юль, как тебя повезло, что ты улька, улиточка моя, ахатиночка. Лежишь себе в земле, жуёшь свой салат и сухие трупки червячков, и знать не знаешь, что такое эта наша, прости господи, гимназия. А это ад. В особенности наш класс. И тупые, читают только по программе, пишут плохо. Ошибки, правда, не лепят, как в старой школе, но у нас шесть русских в неделю, а не как в нормальных школах – четыре. Короче, тупые челы, несут бред, только и хвалятся, у кого тачка круче. Эх, Юль! Вот бы меня бабушка на «инфинити» из школы забирала! Тогда бы я им всем нос утёрла. Но не судьба, папа бросил, мама бедная, хоть у бабушки пенсия

военная. У нас же с тобой, Юлька, бабушка – майор, во как. А Киса этот, ну Киселёв, дебил один, в него все девчонки влюблены, так он, прикинь, Юль, как первого сентября рядом со мной сел – ну, я тебе говорила, ты помнишь? – так уже пять дней согнать его не могу. Ну, он и шоколадки мне приносит из буфета, воду, всё за свои деньги берёт, всё-таки экономия. И перестал на меня нагло смотреть, с обнимашками больше не лезет, просто смотрит, по-дружески. Это позорище, что я с ним до сих пор сижу. Он ещё, Юль, рюкзак мой таскает. Всё, Юль, бабушка с кухни зовёт, ты всё равно не слышишь. Ты – на обед, и я. Марина осторожно опускала руку в аквариум, прислоняла к стеклу – Юлька сползала с руки на стекло, она уже знала, что аудиенция закончилась, сейчас будет еда. Она спускалась по стеклу вниз, к земле. Марина отрывала салат – он рос круглый год тут же в цветочных горшках. Марина сама его сажала специально для Юли: и салат, и кресс-салат, и пекинскую капусту.

Глава третья. На гандболе

Она поехала во Дворец, никому ничего не сказав. Завернула в спортивный корпус. Вошла в фойе. За барьером гардероба, как за прилавком, сидели люди в футболках и спортивных костюмах, они записывали в спортсекции. Ажиотаж наблюдался около тренажера с плакатом: гимнастка с лентой летела над землёй, будто она фея рассвета. Тусня из ухоженных, лента вилась спиралями, вычерчивая в облаках сердечко. Везде эти сердечки, Марина ненавидела эти сердечки. Сердце совсем не так выглядит, а вот селезёнка на эти сердечки похожа... Марина прошла мимо разделительного барьера. У таблички «гандбол» сидела красивая женщина. Идеальный овал лица. Женщина с подиума. Тёмно-каштановые слегка тонированные краской волосы – на прямой пробор, гладко зализаны.

Марина подошла, улыбнулась, поздоровалась.

– Год какой? – рявкнула женщина низким прокуреным голосом.

– Девяносто седьмой.

– Нормально. Говори фамилию.

Марина назвала.

– Шорты, футболка, кроссовки. Первая тренировка в следующий понедельник, – женщина протянула Марине визитку. – Подружки есть?